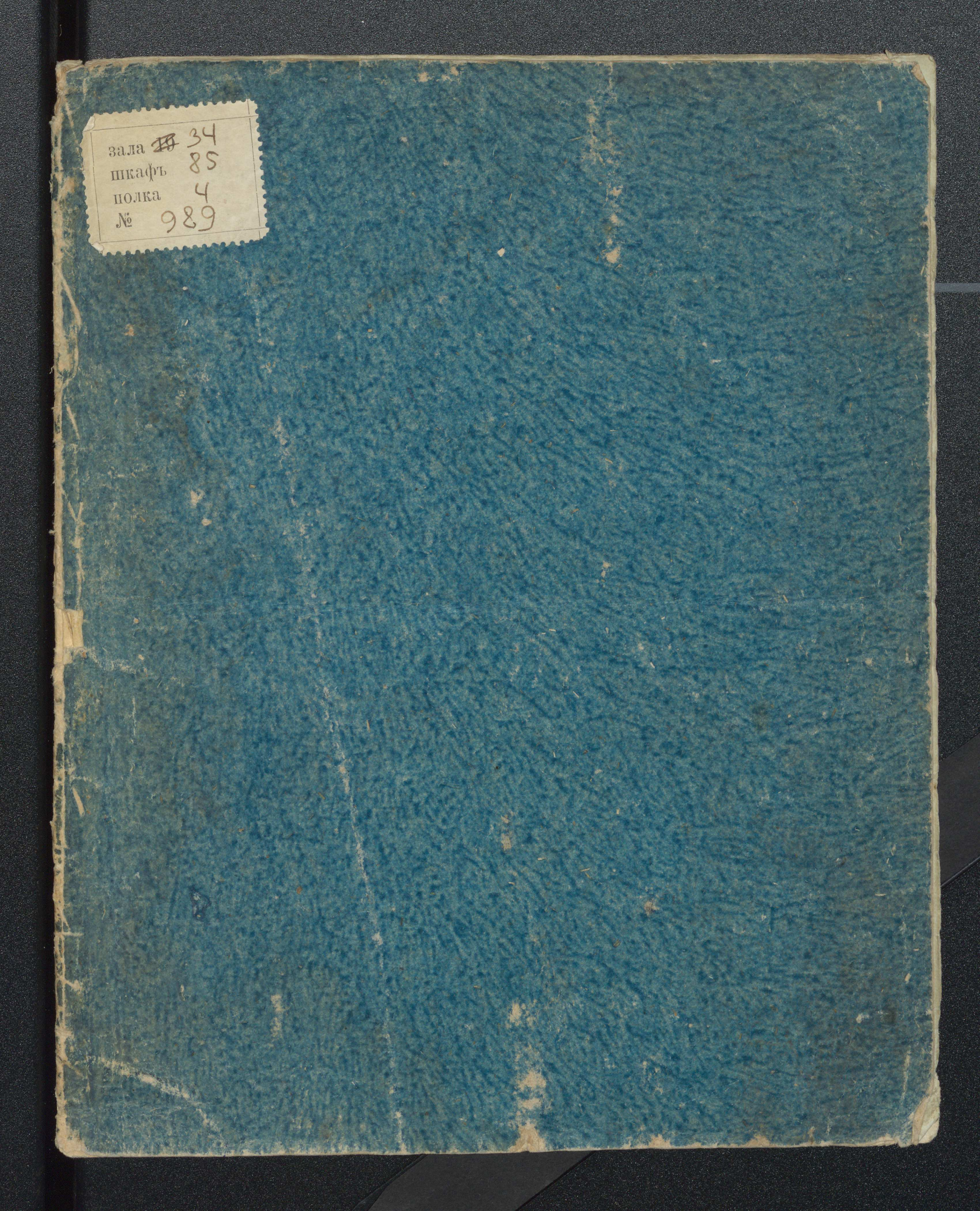
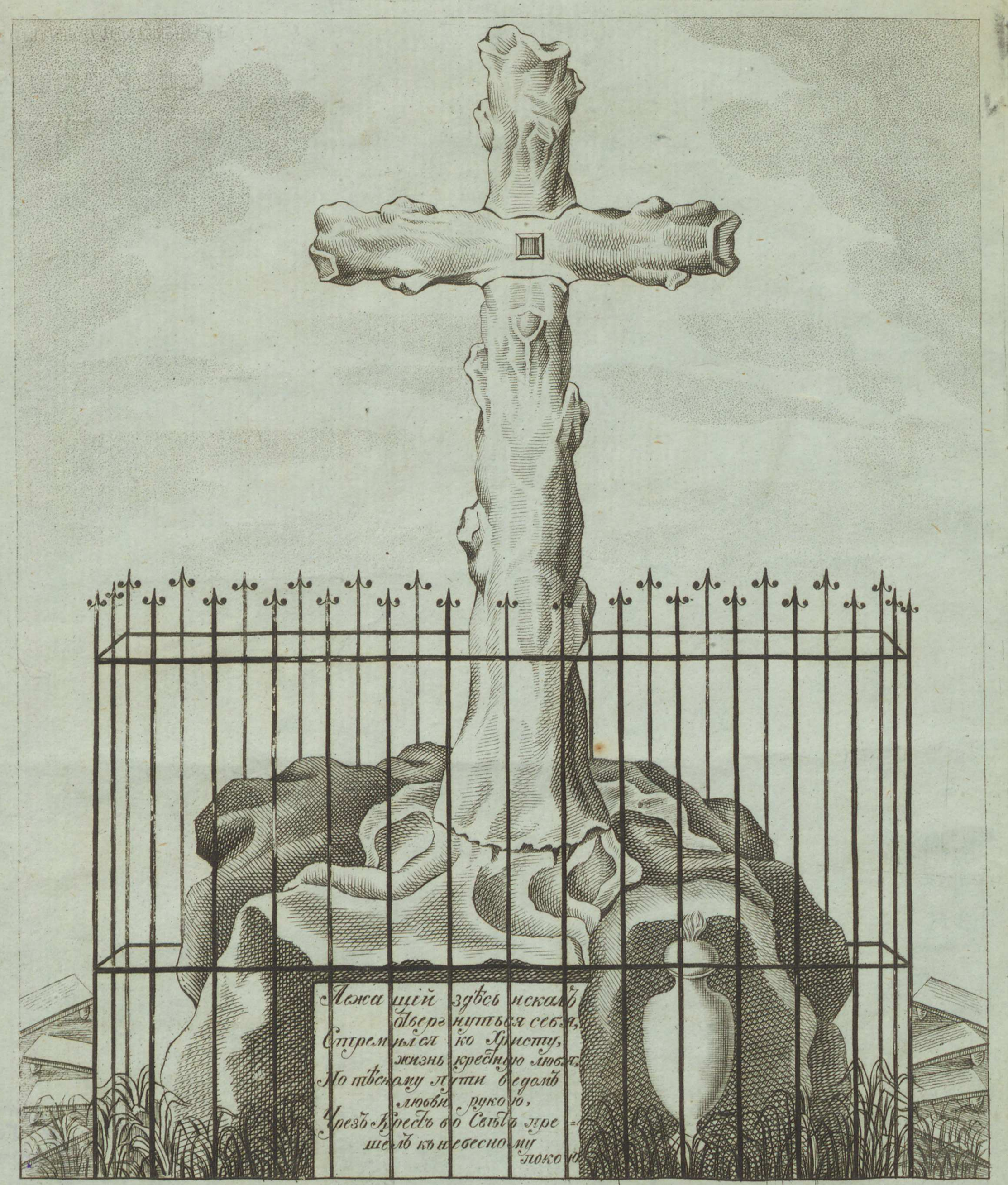

зала 34
шкафъ 85
полка 4
№ 989

У Фадеева ц. 1 р. 80 к.

5/1

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

На задней сторонѣ сего памятника, находящагося въ Москвѣ
въ Ново-спаскомъ Монастырѣ, изображена слѣдующая надпись:

*Здѣсь погребено тѣло Николая Александровича Краевича, на 34мъ
Году житія его, по многихъ болѣзненныхъ страданіяхъ въ вѣчное жи-
лище преставльшагося, въ Москвѣ 24го Іюня 1790 Года. Другъ его сооружилъ
сіе надгробіе.*

Владимиръ Алексеевичъ
Гамбурцевъ
Архитекторъ

НАДГРОБНЫЙ

ПАМЯТНИКЪ.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографїи, *у Ридигера и Клаудїя.*
1798.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинградѣ

Ввечеру, на канунѣ дня Преображенія Спасителя человѣковъ, съ почтеннымъ N. N. — котораго благодѣянія живо запечатлѣнны во глубинѣ души моей — поѣхалъ я въ Новоспаской монастырь. Вышедъ изъ кареты, онъ вздумалъ посѣтить Настоятеля, а я пошелъ бродить, куда глаза глядятъ. На лѣвой сторонѣ, идучи отъ *святыхъ воротъ*, подлѣ церкви, представилось мнѣ нѣсколько надгробныхъ памятниковъ. Я люблю трогательные предметы; люблю мѣста, приводящія меня въ задумчивость, и погружающія сердце мое въ томное уныніе. Мраморы и кипарисы, рощи и вертепы, шумъ буйныхъ вѣтровъ и журчаніе тихаго источника въ дубравѣ пустынной — все сіе плѣняетъ духъ мой, и настроиваетъ его къ очаровательнымъ мечтамъ. Тутъ благодѣтельная

Фантазія покрываетъ меня волшебною своею мантіею, и я предаюсь сладостной дремотѣ. Все во мнѣ молчитъ; всѣ силы души засыпаютъ; одно воображеніе дѣйствуетъ, и носясь по неизмѣримому пространству *возможностей*, пишетъ разнообразныя картины, и заставляетъ меня забыть на нѣкоторое время горести, терзающія бѣдныхъ смертныхъ здѣсь, здѣсь — въ *сей юдоли плача и скорби*...

Послѣдуя сердечному влеченію, направилъ я шаги свои къ усмотрѣннымъ мною памятникамъ, и — вошедъ въ то безмятежное пристанище, гдѣ утружденный странникъ, по долговременномъ, бѣдственномъ путешествіи, наконецъ стираетъ потъ съ лица своего, бросаетъ страннический жезлъ свой, и въ радостномъ упоеніи восклицая: *нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!* водворяется въ дому тѣсномъ, и заваливаетъ входъ въ него сырою землею — вздохнулъ я, вздохнулъ изъ глубины сердца. Но что означаетъ вздохъ сей? Конечно не страданіе, не жалость о вселившихся здѣсь труженикахъ — они блаженны, они почиваютъ въ нѣдрахъ мира и тишины — но можетъ быть темное желаніе соединиться съ ними. . . . Я ходилъ взадъ и впередъ; глаза мои перебѣгали отъ предмета къ предмету. Много видѣлъ я надгробій, много читалъ эпитафій — были хорошія, но

не для меня. Наконецъ пришелъ я къ одному памятнику, который привлекъ все мое вниманіе. Это былъ *Крестъ*, вышиною футовъ въ пять или шесть, сдѣланный изъ дикаго камня, съ маленькими по мѣстамъ выпуклостями; но искусство такъ близко подошло къ натурѣ, что кажется онъ деревяннымъ, выросшимъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Нижняя часть его, представляющая древесные корни, утверждена на каменномъ пьедесталѣ, которой имѣетъ видъ небольшой горы; все жъ вмѣстѣ обнесено желѣзною четвероугольною рѣшеткою. — Просто, но прекрасно! — Внизу, на сѣверовосточномъ углу пьедестала находится изъ бѣлаго мрамора урна съ желтою маковкою; а по обѣимъ сторонамъ его, къ востоку и западу, видны двѣ бѣлыя мраморныя жъ дощечки, прикрѣпленныя по всѣмъ четыремъ угламъ мѣдными гвоздями. На одной изъ нихъ начертана слѣдующая надпись:

Лежащій здѣсь искалъ отвергнуться себя,
Стремился ко Христу, жизнь крестную любя.
По тѣсному пути ведомъ Любви рукою,
Чрезъ Крестъ *во свѣтъ прешелъ — къ небесному покою* (*).

Над-

(*) И теперь иногда посѣщаю я сей интересный для меня монастырь, и всегда провожу по нѣскольку минутъ подлѣ памятника, здѣсь описаннаго. Не рѣдко случается мнѣ видѣть тамъ и другихъ посѣтителей; случается видѣть, что они, оставляя безъ вниманія прочія суетностію поставленныя надгробія, прямо идутъ ко Кресту, разсматриваютъ его съ

Надпись сія сдѣлала живое, глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей. Разъ десять читалъ я ее — и всегда съ новымъ удовольствіемъ, всегда съ новымъ благоговѣніемъ къ усопшему. Благословляю прахъ твой, сказалъ я наконецъ съ тихимъ вздохомъ; благословляю память твою, Христоименитый воинъ! Участь твоя завидна: ты умѣлъ ходить по пути тѣсному и терніемъ усѣянному. Крестъ былъ твоимъ *оружїемъ*, а Любовь твоимъ *вождемъ*. Съ ними одолѣлъ ты внутренняго врага, съ ними достигнулъ небеснаго града, вошелъ въ селенія Праведныхъ и пріобщился къ Свѣту невечернему. — — На другой дощечкѣ прочелъ я сіи строки:

„Здѣсь погребено тѣло *Николая Александровича Краевича*, на 34 году житія его, по многихъ болѣзненныхъ страданіяхъ въ вѣчное жилище преставльшагося, — въ Москвѣ, 24 Іюня, 1790 года. — Другъ его соорудилъ сіе надгробіе (*).„

По многихъ болѣзненныхъ страданіяхъ! — повторило сердце мое. Но кто не страждетъ, кто не мучится въ под-

съ чувствомъ внутренняго благоговѣнія, и читая надпись, кажется, пріемлютъ твердое намѣреніе *отвергнуться себя*. Чтожъ привлекаетъ ихъ къ сему памятнику? — Простота его, приличная мѣсту, и высокое Евангельское изреченіе, содержащееся въ эпитафіи, — изреченіе, безъ исполненія котораго нѣтъ пути къ вѣчному блаженству. Таковы должны быть надгробные памятники! Таковы должны быть эпитафіи!

(*) Другъ сей дѣлаетъ честь нашему времени.

подлунномъ мірѣ? И блаженъ тотъ, кто менѣе другихъ плаваетъ по бурной стихіи горестной сей жизни! Блаженъ тотъ, чья ладья скорѣе достигаетъ безбѣднаго пристанища вѣчности! Блаженъ и ты, Крестоносный страстотерпецъ! Кратко теченіе твое на земли, и мзда дѣланія твоего въ рукѣ Отца свѣтовъ.

Тамъ, тамъ, за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ; —

тамъ ликуешь ты въ кущахъ райскихъ, и вѣнецъ нетлѣнія, вѣнецъ присной радости сіяетъ на челѣ твоемъ. Я не зналъ тебя въ *семъ* мірѣ, но узнаю въ *томъ* — узнаю, когда духъ мой свергнетъ съ себя земныя оковы и возвратится къ своему Началу. Но скоро ли наступитъ сія минута? . . . Тутъ еще вздохнулъ я, сорвалъ желтенькой цвѣтокъ, бросилъ его на урну, и — пошелъ къ почтенному своему Сопутнику. — —

2982
903

